УДК 321

АСТРАХАН В.И.

Народ как субъект политической системы

В статье обосновывается необходимость расширения рамок гуманистического подхода к познанию сущности политической системы и моделированию ее структуры; в качестве особого субъекта политической системы выделяется и характеризуется народ.

Ключевые слова: политическая власть, политическая система, политическая организация общества, структура политической системы, субъект политической системы, народ, суверенитет народа.

Проблемы, связанные с научным осмыслением формирования и функционирования политической системы общества, никогда (с начала постановки этих проблем в середине прошлого века) не утрачивали своей актуальности. Наша страна не составляла и не составляет исключения в этом плане. Высокая динамика мировой политической действительности уже в советское время вызывала идеологическую рефлексию отечественных политологов и юристов. Наличие в тексте Конституции СССР 1977 г. главы «Политическая система общества» (пусть и в весьма идеологизированном виде) – свидетельство тому. В Конституции современной России такой главы нет. Но политические основы конституционного строя обозначены вполне определённо. Среди них – принцип народовластия, а также признание идеологического и политического многообразия.

Что же такое политическая система общества – в исторической ретроспективе и сегодня? Насколько её сущность обусловлена содержанием политической жизни? Каковы функции политической системы? Вопросы, возникающие в русле указанной проблематики, неизменно вызывают множественные дискуссии. Причём зачастую эта дискуссионность надуманна. Яркий пример – спор о соотношении понятий «политическая система общества» и «политическая организация общества» (как будто не очевидно, что организация отражает структурный аспект системы!). Вместе с тем каждый вопрос теоретического свойства так или иначе отражает состояние практики либо предвосхищает её. В рамках настоящей статьи акцентируем внимание на перечне субъектов политической системы.

Понятие «субъект политической системы» в современной политологии раскрывается неоднозначно или, скорее, не раскрывается вовсе. Субъект политической системы синонимизируется то с субъектом политической власти, то с формой политической деятельности, то со структурным элементом политической организации общества. Верный ответ следует искать на пересечении этих плоскостей. Некоторые авторы (например, Н.И. Матузов) ограничиваются перечислением и краткой характеристикой субъектов политической системы, относя к таковым:

– государство;
– местное самоуправление;
– политические партии;
– общественно-политические движения;
– группы давления[1].

Представляется, что этот перечень не полон. Для того чтобы дополнить его, причём сделать это аргументированно, оценим наработанные на сегодняшний день

методологические основы исследования сущности политической системы.

Достаточно полный перечень сложившихся в науке подходов (методов) к познанию политической системы как специфического социального явления предлагает Т.Н. Радько, выделяя:

– институциональный подход, позволяющий, исходя из выявления составляющих политическую систему учреждений, определить её структуру;

– подход функциональный, в рамках которого выявляются действие элементов политической системы и их взаимосвязь;

– регулятивный подход, с помощью которого можно уяснить особенности функционирования политической системы на основе политических норм, других социальных регуляторов;

– идеологический, отражающий содержание и специфику концепций, идей, представлений и взглядов на проблему политической системы общества, вплоть до формулирования конкретных политических теорий;

– личностный подход (со ссылкой на С.А. Комарова), учитывающий некоторые аспекты формирования и функционирования политической системы общества с позиций философской антропологии, психологии и социологии[2].

На наш взгляд, последняя позиция требует более широкого раскрытия, чем это предпринималось до сих пор. Обосновывая личностный подход, его авторы могли бы продвинуться дальше в интерпретации Аристотелева тезиса о политической природе человека. Ведь из утверждения о том, что «в современном цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей»[3], неизбежно следует вывод о возможности существования особого коллективного субъекта политической системы – всего общества или более конкретно – народа.

В этом случае предлагаемый нам личностный подход, будучи усилен подобным содержанием, может быть определен в новой интерпретации как гуманистический. Говоря не только о человеке или людях как участниках политического процесса, а в целом о народе как субъекте политической системы, мы будем вынуждены ответить ещё на один немаловажный для рассматриваемой темы вопрос: *носит ли пребывание народа в качестве подобного субъекта общеисторический характер*?

Для ответа на этот вопрос следует, во-первых, определиться с содержанием понятия «народ» в контексте рассматриваемого нами предмета. Народ часто отождествляют с этносом, что в общем-то верно. Но этого мало. Необходимо условие, при наличии которого социальная группа идентифицирует себя как целое, причем не только этнически, экономически и географически, но и исторически. Осмысленная в форме судьбы история является и фактором выживании общности, и стимулом для её движения. Таким образом, народ – это социальная группа, объединённая в числе прочих равных условий осознанием общности исторической судьбы. Только такая группа в интересах продолжения общей судьбы создаёт политические формы единства.

Во-вторых, народу, для того чтобы стать субъектом политической системы, необходим критерий общесоциальности. Но политическая власть, равно как и политическая система общества, возникает как следствие социальной дифференциации. И государство – высшая из форм политического единства – на протяжении сотен и тысяч лет существует и функционирует в интересах той части общества, которая оказывается на вершине социально-экономической пирамиды. И лишь трансформация сословно-кастового общества в общество гражданское порождает сначала идею равенства всех членов общества, а потом и её практическую реализацию. Пусть фактического социального равенства нет и быть не может – его институционально подменяет равенство юридическое. Законодательно закреплённое юридическое равенство, собственно, и создаёт новый социально однородный субъект – народ.

Но и этого недостаточно, так как, – в-третьих, – статус субъекта политической системы предполагает ту или иную степень участия в отношениях по поводу политической власти, т.е. определённую

роль в процессе достижения или реализации этой власти. Может ли народ (не государство как система политической власти, не политическая партия, не общественно-политическое движение и даже не группа давления, а народ в целом) осуществить такое участие? Может, но при этом он должен быть законодательно (конституционно) объявлен первичным носителем суверенитета, т. е. единственным источником политической власти.

Итак, *народ становится субъектом политической системы на конкретном историческом этапе, а именно в рамках Новейшего времени*, когда в результате свершившихся буржуазно-демократических революций (или эволюционных преобразований демократического толка) реализуется модель государства, являющегося по сути своей общесоциальным.

Только на этом этапе понятие «суверенитет народа» обретает собственно политический смысл. Учение о суверенитете государства, возникнув в Западной Европе как теоретико-юридическое обоснование абсолютизма, предшествовало идее народного суверенитета, развившейся в конституционный принцип в XVII–XVIII веках. Но суверенитет народа как явление в любом случае исторически предшествует суверенитету государства. Раскрываясь в двух аспектах – внутреннем (право самостоятельно избирать modus vivendi и modus operandi на основе исторически сложившихся идеологических, политических и культурных предпочтений) и внешнем (не зависеть в этом выборе от других народов), народный суверенитет может быть сообщён его носителем лишь одному из субъектов политики – государству. На этой стадии (создание государства) совершенно не важно, каким образом суверенитет народа «распределяется» внутри народа. Есть некая абсолютная величина (власть), часть которой передаётся государству. Кем передаётся – вопрос второстепенный. Призвание варягов (если оно имело место быть) осуществилось не всем народом, а его частью – родовой аристократией. Но при этом возник феномен государственной власти, а она возможна только на основе государственного суверенитета, который, в свою очередь, является производным от суверенитета народного.

Таким образом, суверенитет народа (народа в целом) не прекращается даже в условиях глубокого социального расслоения. Политическая власть присвоена и используется социальным меньшинством – народный суверенитет проявляется через показатель легитимности этой власти. Предел легитимности – это не обязательно социальный взрыв (восстание, бунт) или единичный акт покушения на носителей власти; возможны и другие проявления – ненасильственные. Примеров в истории более чем достаточно, каждый из которых свидетельствует о том, что формы выражения народом своего суверенитета варьировались в зависимости от того, насколько совпадали или не совпадали два вектора – вектор общей воли (народа) и вектор воли государственной. Государству всегда, если оно предполагало оставаться таковым, приходилось реагировать более или менее адекватно. 1113 год: в Киеве восстают закупы (наиболее массовая категория феодально зависимых земледельцев), и Владимир Мономах вынужден законодательно закрепить статус этой социальной группы. 1572 год: крайняя непопулярность изобретённых Иваном IV форм реализации государственной власти ставит под угрозу само государство, оказавшееся неспособным отразить натиск крымских орд, и грозный царь отменяет опричнину. Октябрь 1905 года: массовые забастовки рабочих и крестьянские восстания, перерастающие в социальную революцию, вынуждают Николая II опубликовать Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», и форма правления кардинально меняется – монархия из абсолютной превращается в ограниченную. Февраль 1917 года... Декабрь 1991 года...

На основании изложенного можно выделить следующие *исторические формы осуществления народного суверенитета*:

– «дремлющий суверенитет», выражающийся в пассивном отношении народа к реализации политической власти. Для этой формы характерны фасадные институты народного представительства (вече-

вая демократия, сословно-представительная монархия) либо их полное отсутствие (абсолютизм). Такое состояние возможно в периоды сохраняющейся легитимности государства;

– «кризисный суверенитет», проявляющийся в периоды социальных катаклизмов, когда преодоление лимита легитимности вызывает всплеск общей (народной) воли и народ на какое-то время обретает всю (или почти всю) полноту политической власти, чтобы вновь передать её изменённому или вновь созданному государству;

– «действующий суверенитет», характерный для современных моделей взаимодействия гражданского общества и общесоциального государства.

Сущность «действующего суверенитета» состоит в том, что народ законодательно (на конституционном уровне) признаётся единственным источником власти и носителем (постоянным) суверенитета. Власть в этом случае следует воспринимать в общесоциальном смысле. Её политическая составляющая может быть реализована народом в двух формах народовластия – прямой и косвенной. Институты прямой демократии позволяют народу учреждать государство и формировать его выборные органы, а косвенной – воплощать через эти и другие органы свою волю в жизнь. Именно такая *модель народовластия* закреплена в третьей статье Конституции Российской Федерации 1993 года[4]. Суверенитет народа, таким образом, становится:

– во-первых, важнейшей из основ конституционного строя;

– во-вторых, источником политической власти;

– и, наконец, в-третьих, единственной предпосылкой возникновения феномена государственной власти.

Но если народ – источник власти, в том числе политической, то каким будет вектор осуществления этой власти? Иными словами, *возможна ли единая политическая воля целого народа?* Известно, что все субъекты политической системы таким единством обладают или должны обладать.

Что касается единства государственной воли, то она обеспечивается единым духом законодательства и координирующей функцией главы государства. Так, согласно ст. 80 Конституции, Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства в порядке, также установленном Конституцией, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти[5]. Такими же принципами, только на ином уровне организации, обеспечивается согласованность действий органов местного самоуправления.

Единство воли наиболее активного субъекта политической системы – политической партии – обусловлено единством целей её членов. В Российской Федерации цели политической партии в общем виде закреплены законодательно и предполагают: формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов на выборах должностных лиц и в органы государственной власти и местного самоуправления; участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов[6]. Совершенно очевидно, что достижение подобных целей возможно лишь при наличии единой политической воли.

В отличие от политической партии, следующий субъект политической системы – общественно-политическое движение – не отличается ярко выраженным политическим целеполаганием. Как правило, такие движения не проявляют стремления к власти, хотя и придерживаются определённой политической концепции. Здесь, скорее, речь идёт о решении какой-либо одной крупной политической проблемы, сформулированной на сходстве интересов идеологического, экономического, социального, национального, конфессионального или иного порядка. О единстве политической воли свидетельствует лишь форма достижения этих интересов.

Фактор единства политической воли присутствует и в деятельности такого субъекта политической системы, как группа давления. В роли группы давления может выступать и

формальное, и неформальное объединение граждан и других лиц. К формальным следует отнести религиозные объединения, профсоюзы, общественные объединения потребителей и т.п. Спектр неформальных объединений достаточно широк – от клубов и обществ по интересам до экзотического религиозного течения, не оформленного официально. Когда интересы такого объединения перетекают из социально-групповой сферы в политическую, они превращаются в группу давления, и её общая воля становится политической.

Итак, единство политической воли является важнейшей характеристикой субъекта политической системы. Повторим наш вопрос: в состоянии ли целый народ выработать единую политическую волю?

В широком смысле – нет. Политическое и идеологическое разнообразие – не отвлечённые принципы. Народ, тем более если он отличается многочисленностью, многоконфессиональностью и многонациональным составом, – сложная система, причем во всех отношениях, в том числе политическом. Ведь это в его недрах формируются разнонаправленные политические течения, возникают и эволюционируют самые разнообразные политические субъекты. Так что же – он всего лишь аморфный политический субстрат, котёл, в котором готовится блюдо под названием «политика»? Такой взгляд неверен по сути. Мы отметили ранее, что важнейшим критерием единства народа является осознание всеми его субъектами общности исторической судьбы. Утверждением этого критерия открывается текст действующей Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле...». Эта исторически сложившаяся соединённость предполагает некую общую цель, реализация которой должна способствовать общему прогрессу, в том числе политическому. Принимая Основной закон, народ в первую очередь закрепляет политические основы конституционного строя, т.е. определяет механизм осуществления власти и принципы политической системы общества. Это ли не проявление общей политической воли? Да ещё если в русле этой воли учреждается ядро политической организации общества – государство в его формальной определённости.

На основе приведённой аргументации представляется целесообразным *дополнить перечень субъектов политической системы таким особым субъектом, как народ (народ в целом)*. В числе особенностей этого субъекта следующие:

1) единство политической воли народа формируется не на основе конкретной политической цели или даже комплекса целей, а исходя из осознания общности исторической судьбы;

2) являясь средой зарождения и осуществления политической жизни, народ постоянно воссоздаёт политическую систему общества, оставаясь её непременным субъектом;

3) народ – единственный из всех субъектов политической системы, обладающий всей полнотой политической власти и суверенным (верховным) правом распоряжаться ею по своему усмотрению;

4) народ – единственный из всех субъектов политической системы, располагающий абсолютной социальной базой;

5) с помощью конституционной процедуры народ прямо реализует свою политическую власть, учреждая государство и государственный строй в целом.

...При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит присягу в том, что дух и буква Конституции в период исполнения им полномочий главы государства будут стержнем государственной политики. Присяга адресована народу, как приоритетному субъекту политической системы.

---

[1] См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2004. С. 100–103.

[2] См.: Радько Т. Н. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. С. 193.

[3] См.: Комаров С. А. Теория государства и права: Курс лекций. Саранск, 1994. С. 109.

[4] Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года (в ред. ФКЗ от 30.12.2008) // Российская газета. 1993. 25 дек. Ст. 3.

[5] Там же. Ст. 80.

[6] Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ "О политических партиях" (ред. от 08.12.2001 г.). Ч. 4. Ст. 3.